

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕТАЛИ В «КОЛЫМСКИХ РАССКАЗАХ» В. ШАЛАМОВА

Отсечение всего лишнего, предельный лаконизм и простота – то, что определяет в целом стилистические особенности прозы В. Шаламова. Несмотря на это, им используется яркая, броская,

«подсаженная» (выражение самого В. Шаламова) деталь. Деталь в рассказах писателя – это определенный «подтекст», служащий его воле. В. Шаламов часто применяет деталь как знак, символ полной степени истощения физического и морального, точно зафиксированные подробности наполняются особым символическим смыслом (вешки как бытовая подробность и как граница жизни и смерти; слово «сентенция», вспомнившееся рассказчику и означающее его возвращение в мир и т.п.).

Детально В. Шаламов изображает смерть, например, в рассказе «Надгробное слово»: «Однажды бригадир его ударил, ударил просто кулаком, для порядка, так сказать, но Дерфель упал и не поднялся. Он умер одним из первых, из самых счастливых» [1, с.136]. В «Медведях» читаем: «Филатов выстрелил. Он, как я уже говорил, был хорошим стрелком – медведь упал и покатылся по склону в ущелье... Убит он был наповал» [1, с. 91].

Однако характерно, что детали-символы у В. Шаламова не имеют постоянного значения. Предметы, люди, события, связи между ними зачастую изменяются в самый момент возникновения, все время как бы превращаясь в нечто иное – текучее, ускользающее, нередко чуждое человеческому опыту, неожиданное и нестабильное.

Символика В. Шаламова с трудом поддается толкованию посредством точных понятий, ибо ее смысловое наполнение многозначно. Символ в его рассказах эстетически расширяет содержание образа до бесконечности, помогая воображению распространяться на множество родственных представлений.

Среди образов-символов в рассказах В. Шаламова есть такие, которые являются традиционными для классической русской литературы. Например, *тропа* как знак художественного пути, *вода* – дар жизни, *река* – течение человеческой жизни. Писатель создает и специфичные «лагерные» символы, которыми становятся, например, стланик как символ реальной надежды и человеческих иллюзий и лиственница как символ памяти, смерти и возрождения, гления и стойкости. Определяя семантико-эмоциональное значение этих символов, В. Шаламов решает одну из главных задач своего творчества – используя художественный образ, вернуть, восстановить некогда пережитое чувство, побеждая контроль времени.

Каждая деталь строится, в свою очередь, на гиперболе, гротеске, ошеломляющем сравнении: «Крики конвоиров подбодряли нас, как плети» [1, с.56]; «Тела людей на нарах казались наростами, горбами дерева, выгнувшейся доской» [1, с.79]; «Мы шли по тракторным следам, как по следам какого-то доисторического животного» [1, с.30].

Еще более выразительны детали психологические. Нередко это детали пейзажа, оттеняющие духовную атмосферу Колымы: «По краю белого небосвода много дней ходят низкие, синеватые, будто в кровоподтеках, тучи» [1, с.15]. Причем В.Шаламов не чуждается традиционных романтических ассоциаций: «Чем глубже становилась ночь, тем ярче горели костры, горели пламенем надежды, надежды на отдых и еду» [1, с.21]. Порой писатель берет старинный, еще преданием освященный высокий образ-символ, заземляет его в физиологически грубом «колымском контексте», и там этот образ приобретает какую-то особую щемящую окраску: «Каждый из нас привык дышать кислым запахом поношенного платья, пота – еще хорошо, что слезы не имеют запаха» [1, с. 30]. А порой В. Шаламов делает противоположный ход: вроде бы случайную деталь тюремной жизни он по ассоциации переводит в ряд высоких духовных символов. Как, например, в рассказе «Первый чекист», в сцене приступа падучей болезни: «Но Алексеев вдруг вырвался, вспрыгнул на подоконник, вцепился обеими руками в тюремную решетку и тряс ее, тряс, ругаясь и рыча. Черное тело Андреева висело на решетке, как огромный черный крест» [1, с. 168].

Традиционные литературные образы-символы, которые вводит В. Шаламов в свои рассказы (слеза, солнечный луч, свеча, крест и им подобные), пронизывают картину мира-лагеря беспредельным трагизмом.

Но еще сильнее в «Колымских рассказах» эстетическое потрясение, вызываемое подробностями и мелочами повседневного лагерного существования. Особенно жутки описания молебственного, экстатического поглощения пищи: «Он не ест селедку. Он ее лижет, лижет и хвостик мало-помалу исчезает из пальцев» [1, с.17]; «Я брал котелок, ел и вылизывал дно до блеска по приисковой привычке» [1, с.74]; «Он просыпался только тогда, когда давали пи-

шу, и после, аккуратно и бережно вылизав свои руки, снова спал...» [1, с. 80].

И это все вместе с описанием того, как человек обкусывает ногти и грызет «грязную, толстую, чуть размягчившуюся кожу по кусочку», как заживают цинговые язвы, как вытекает гной из обмороженных пальцев ног,— это все обретает в «Колымских рассказах» особый художественный смысл. Тут есть странная обратная зависимость: чем конкретней и достоверней описание, тем еще более ирреальным, химерическим выглядит мир Колымы.

Литература

1. *Шаламов В.* Несколько моих жизней: Проза. Поэзия. Эссе. — М.: Республика, 1996.